

Игорь Кильбия

ЕСЛИ БЫ ЗВЕЗДЫ ПАДАЛИ МЕДЛЕННЕЙ

ГОРОД ПЕРВЫЙ

Игорь Кильбия

Если бы звезды падали медленней. Город первый

<https://litres.ru/74355263>

SelfPub; 2026

Аннотация

Полина оказалась в необычном городе, где соседствуют египетские пирамиды и Собор Парижской Богоматери, а среди мрачных улиц можно встретить людей из различных эпох и стран – от пигмеев до французских королей. Здесь нет ни дня, ни ночи, а над головой вместо солнца неспешно проплывают миражи, освещая небосвод.

В таком странном мире Полине предстоит найти самого дорогого человека, затерявшегося в этом переплетении реальностей.

Содержание

Глава первая. Необычный подарок	4
Глава вторая. Пьяный дракон	24
Глава третья. Зеленый ад	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Игорь Кильбия

Если бы звезды падали медленней. Город первый

Глава первая. Необычный подарок

— Жалкое чудовище с рыбьей кровью!

Старичок топнул ногой, как-то по-мальчишески дернув голову, отчего его аккуратно уложенные волосы, зализанные назад, скособочились, распавшись на отдельные пряди. Заодно сделалась видна проплешина на макушке.

Спохватившись, он незамедлительно сунулся прилаживать обратно шевелюру, при этом моментально позабыв о своем негодовании.

Уладив проблему с прической, торговец вернулся к беседе.

— Я не собираюсь обманывать столь приятную особу и пытаться нажить, как какой-нибудь толстосум, у которого за душой ни стыда, ни совести, — подчеркнуто вежливо заявил он и, отстукивая тростью о мраморный пол, повел гостью дальше. — Первый баронет Чарльз Ноулз человек слова, и я это слово вам обещаю, милая моя. Дам хорошую скидку! Сманик наводит на меня напраслину, лживый мздоимец!

Уж кто-то, а заламывает цены никто иной, как он сам. Я же — честный человек! Тебе нечего бояться, дитя, выбирай с чистым сердцем.

Он смерил гостью самым наилюбезнейшим взором из всех наилюбезнейших.

— Может, вот этот? — указала Полина пальцем на один из вариантов, стоявший посреди нескончаемого ряда предлагаемых товаров.

— Так-так, — Чарльз де ла Гарсия де ла Круз Ноулз, 1-ый баронет, бывший генерал-интендант императорского флота, достал из кармана своего камзола пенсне и, в предвкушении причмокивая, подошел, силясь вычитать текст на табличке. — Как интересно! Однако, деточка, я не сведущ во все этих технических тонкостях. Пускай Степан нам с тобой подскажет, что тут да как. Степан! Сте-е-е-е-п-а-а-а-н!

Голос у дряхлого баронета оказался на редкость пронзительным. Старичок крикнул так, что называется, стены дрогнули. Хотя в том помещении, где они находились, стен было не видно — настолько оно представлялось огромным. От края до края простирались товары на продажу, представленные в широчайшем и разнообразнейшем ассортименте.

Выкрик разошелся, большею частью уйдя вверх — там тоже пространство никаких преград не имело: над головой, чем выше, тем сильнее сгущалась темнота, которую не могло рассеять даже освещение.

Степан появился довольно скоро, вынырнув из-за стой-

ки шасси. Это был рослый детина, облаченный в засаленный комбинезон и высокие сапоги. На шее у него болтались защитные очки с огромными овальными стеклами. Степан имел косматую бороду, книзу превращавшуюся в две сосульки, и необузданную чудаковатую шевелюру.

— Звали? — поинтересовался он, протирая какой-то ветошью руки.

— А ну-ка расскажи, — баронет ткнул тростью в железную махину.

— Что же, — Степан похлопал по обшивке, отозвавшейся глухим звуком. — Это Миг-23УБ. «УБ» значит учебно-боевой, а попросту говоря, спарка. Спереди курсант, позади инструктор. Выпущено за тысячу штук. Состав вооружения ограниченный.

— Про вооружение не надо, — отмахнулся старичок. — Все равно без толку. Давай по другим характеристикам пробегись.

— Эт легко, — он расплылся в улыбке. — Третье поколение. Изменяемая геометрия крыла. Двигатель Р27Ф2М-300. Скорость более двух махов. Это на высоте. У земли, конечно, пожиже.

— Ну какая земля, Степа... — не без иронии отозвался баронет. — Окстись. Нам это... как его... дальность. Вот дальность какая у него?

— Около двух тысяч километров, — осторожно оповестил Степан, а потом поспешил уточнить. — Но это если без

ПТБ, а с ПТБ почти три тысячи.

— А ПТБ это что? — уточнила Поля.

— Подвесной топливный бак.

— И за все про все, две тысячи гульденов, — присовокупил Чарльз Ноулз, в который раз обезоруживающе улыбнувшись.

Полина прикусила губу — названная сумма была много больше той, которую она ожидала услышать. Подумать только: две тысячи! Целое состояние! Сманик просил меньше.

— Я знаю, о чем ты подумала, летнее дитя, — вмиг расшифровав эмоции на ее лице баронет и взялся сглаживать углы. — Дорого! Непомерно дорого! И бьюсь об заклад, вспомнила про Сманика! Но, подумай хорошенько: все не так просто. Ушлый Сманик готов тебе предложить не пойми что, буквально хлам! А у меня вся техника проверена! За ней следят, техническое обслуживание на высшем уровне. Только погляди на Степана, это лучший специалист в Лавлейсе!

Степан усердно закивал.

— Да и не забудь: все-таки это двухместный самолет! За такую цену где еще найдешь подобное? Но если дорого, — первый баронет смягчил голос, отчего сделался похожим на лукавого кота, — мы можем подобрать одноместный вариант. Обойдется дешевле.

— Я управлять не умею, — призналась Полина, потупив взгляд. — Мне только двухместный подойдет. Чтобы я и пилот.

— Дитя, — старичок участливо поглядел на нее. — Куда же ты держишь путь?

— В одно место, — буркнула она, потому как в подробности вдаваться совершенно не хотелось.

— Что же, — баронет безошибочно подгадал ее желание и пожал плечами, — понимаю, это не мое дело. Но свою цену я назвал.

— А можно мне еще подумать?

— Сколько угодно, милое дитя, сколько угодно, — он снисходительно улыбнулся и пользуясь случаем, взял ее под локоток и повел прочь. — Старый добрый Чарльз Ноулз всегда готов пойти навстречу! Я могу и подождать. Ты не поверишь, как бы мне хотелось отдать тебе этот самолет задаром! У меня сердце кровью обливается, когда я вижу, что у человека такая необходимость! Особенно, что касается милых и невинных созданий, подобных тебе. Но ничего не поделаешь... законы рынка: я не могу работать себе в убыток. Я и так назвал цену, минимальную из возможных. А теперь не обессудь, но хотелось пригласить тебя на чашечку чая. Ты ведь не откажешь старику в пустяковой просьбе? У меня настоящий индийский ассам. Лучше и не знать, каких усилий стоило заполучить пару фунтов.

Чаевничать ее не очень-то прельщало, тем более намечались дела: предстояло придумать, где раздобыть недостающую часть суммы. Но Полина решила, что отказывать старику будет некрасиво, и согласилась.

Первый баронет жил тут же, неподалеку. Проследовав вдоль авиационной техники, они свернули, немного не дойдя до каких-то каменных обелисков, тоже выставленных на продажу, и оказались около неприметной дверцы.

За ней обнаружилось необычное помещение: оно все было заставлено статуями, бюстами и прочими изваяниями. Пол украшали роскошные ковры, а стены были обиты старинными гобеленами. Здесь смешались Эллинистическая Греция, Римская империя, Средневековье, Древняя Индия, Персия и прочее, прочее...

От обилия предметов обстановки разбегались глаза, и страшно было представить, сколько все это могло стоить и каких усилий потребовало, чтобы раздобыть такие сокровища и собрать вместе.

Спутник Поли опять подгадал ее мысли и, не скрывая своего довольного вида, провел ее, лавируя между скульптурами. Сначала он молчал, наслаждаясь реакцией гостьи, а когда они присели за ажурный столик, на котором уже покоился чайный набор, наконец разомкнул уста.

— Это моя личная Голконда, — поведал Чарльз Ноулз. — Во всем Лавлейсе не сыщешь у частного лица подобного богатства. Сама видишь, какие ценности... Точнее цены то как раз им и нет, это все бесценно! Что там дурацкий Сма-ник... Тьфу!

Он беспечно махнул рукой в сторону воображаемого оппонента и приступил разливать чай, наполняя горячим на-

питком изящные чашечки тончайшего фарфора.

— Сама-то ты давно тут обретаешься? — баронет едва заметно наклонил голову, как бы извиняясь (одновременно с этим стараясь не потревожить пряди, которые и так его уже подвели один раз). — Заранее прошу прощения за излишнее любопытство, но, надеюсь, ты простишь старику небольшую дерзость.

— Наверное, с полгода, — не сразу ответила Полина, подсчитывая дни.

Какого-то централизованного отсчета никто не вел, да и, по сути, само понятие времени было сильно размыто — попробуй высчитывать, когда никаких дней и ночей попросту не имелось, как не существовало ни солнца, ни луны, ни звезд.

В небе, если это можно было назвать небом, лишь постоянно проплывали в величайшем далеке исполинские образы. Они напоминали гигантские подсвеченные миражи. И, как утверждали, картинки для каждого разнились.

Взять, например, Великого дракона: Полине он виделся красного цвета, для Джошуа его гамма уходила больше в зеленый, а Чарльз Ноулз, возможно, вообще казался белым, ровно как цвет его шевелюры.

Дракон плавал над головой, закручивая свое тело кольцами. Говорили, его имя Кейлгар, и когда-то у него даже имелись крылья, но он их отбросил и разросся в длину, сделавшись похожим на змея.

Полине ужасно захотелось разузнать у своего собеседника, каким ему виделся Великий дракон, но тот опередил ее.

— Поразительно! — он отставил чайничек и аккуратно ухватился узловатыми пальцами за свою чашечку. — Для такого короткого срока ты неплохо освоилась... Тебе кто-то помог? Не обессудь, что я такой дотошный, просто мне безумно интересно! Я первые полгода вообще прятался от греха подальше, жил в пещере у Лысой горы. Ты должна была про нее слышать, там обычно все новенькие обретаются. Да и пещеры известные. Шепчутся, через них можно попасть в...

Баронет осекся и, поднеся чашку ко рту, вновь добросердечно улыбнулся.

Полина не понимала, стоило ли упоминать про Джошуа, все-таки среди местных тот имел не самую лучшую репутацию. Отпив чаю и заодно дав себе время обдумать, она все же решила этот факт утаить.

— Нет, — Поля улыбнулась баронету в ответ. — Я одна. У меня есть некоторые знакомые в таверне, но я бы не сказала, что мы с ними друзья.

— Про таверну я бы мог и догадаться, иначе откуда ты можешь знать Сманика, летнее дитя, — Чарльз Ноулз прокашлялся. — Боюсь показаться докучливым, но рискну дать тебе совет: в таверне стоит быть осторожной! Это же самый настоящий вертеп! Конечно, в последние годы там, как и во всем городе, стало много спокойнее, но я бы на твоем месте

сохранял бдительность. Ах, спасибо Аде и Верховному совету за их заботу о нас и наших заблудших душах!

Чарльз Ноулз вздохнул и посмотрел куда-то себе под ноги. Полина никак не ожидала, что он вспомнит про Аду. Она думала, этот почтенный старик не обращал внимания на всякие рассказы. Особенно на те, что во множестве гуляли по мрачным и тесным переулкам около таверны, среди отребья и пиратов.

Местные слыли падкими на сплетни и с удовольствием выдумывали всякое разное. Правда то была или нет, наверняка не знал никто. А что касается Ады, говорили следующее: весь город когда-то не имел единого управления и был разбит на районы, которые то и дело враждовали друг с другом, а бывало, и шли войной на соседей. Тогда в городе творилось форменное безобразие, и выживание в нем представлялось задачей сложной.

Конечно, умирать никто не умирал, но существовали вещи и пострашнее смерти. Полина видела несчастных, валявшихся в грязи и придорожных канавах, которые навечно были загнаны в чертоги нескончаемого сумасшествия. Ужасы, что творились в глубине их сознания, затерянного в бесконечных лабиринтах безумия, не поддавались описанию. Незавидная участь, особенно когда это длится целую вечность.

Так вот, до поры до времени в городе не имелось централизованного управления. Но затем появилась Ада. Слу-

хи насчет нее разнились. Тут Полина слышала многое, однако предпочтение отдавала версии Джошуа. В его варианте выходило, что Ада являлась не живым существом, а некоей сущностью. Ожившей программой. Искусственным разумом, сотворенным неизвестным гением.

Ада занимала огромный зал, где с помощью гидротермальной энергии функционировал ее мозг, сформированный из сотен тысяч, как их именовал Джошуа, «перфокарт». Полине понравилось это слово — «перфокарта» — веяло от него чем-то магическим.

И вот эта самая Ада каким-то образом взяла управление на себя. Она решала, планировала, регулировала. С ней взаимодействовал Верховный совет, заседавший в мэрии и доносивший ее волю остальным.

Понятное дело, скорее всего, это все оставалось враками, но нельзя было не отметить того факта, что в последнее время обстановка действительно сделалась спокойнее.

Насчет мэрии... Это была высоченная башня, уходящая в самую высь и иногда своим шпилем почесывающая брюхо Кейлгару, если он надумывал спуститься пониже (по крайней мере, так шутил Джошуа).

Каждый из жителей города знал, что башня — это оплот крючкотворства и бюрократии, и всякий, забредший в сию скорбную обитель, рисковал пропасть там навсегда. Это были не шутки — Полина не знала никого, кто, уйдя туда, возвратился бы обратно. Не ведал о подобных счастливицах и

Джошуа. Поэтому в мэрию если и надумывали соваться, то по самым исключительным и веским поводам.

Саму башню было видно практически отовсюду: она, словно всевидящий страж, довлела над жителями, будто пытаясь выследить каждого, разведать все его тайны и замыслы, среди которых так или иначе найдутся темные делишки.

— Ты ведь слышала про Аду, дитя? — впервые ошибся в ее отношении баронет, неверно истолковав молчание Полины.

— Кое-что слышала.

— Веришь?

— Не знаю, — искренне засомневалась Поля. — Вокруг много историй ходит и, думаю, не во все из них можно верить.

— Да-да, милая, ты так права, — старичок бережно закивал головой, не забывая о своей прическе.

— Мне кажется, здесь можно верить только в то, что видишь собственными глазами, — она отпила чаю и все-таки не удержалась, спросила. — Вот, например, дракон в небе. Его видно глазами. Правда, говорят, он всегда для всех разный. А вам он каким цветом видится?

— Дракон? — захлопал глазами Чарльз и даже оставил чай, но спохватился и игриво хлопнул себя по коленке. — Ах, прости меня, милая, это все возраст! Вечно из головы вылетает! Ты про Великий мираж, не так ли?

— Я про Великого дракона, — уточнила Полина.

— Великий дракон, Великая стена, Великий вулкан... не слишком ли много величия для такого места? Вот почему всегда используют слово «великий»? Интересно, отчего так сложилось? — он призадумался, умолкнув.

— Получается, дракона вы не видите? — пришлось растормошить старичка вопросом.

— Что? А, Великий мираж, да-да... Конечно, вижу, это все видят. Только не дракона, а Великий дирижабль. Граф Цеппелин. Ты знаешь, что такое дирижабль?

— Знаю.

— Какая ты умная! Молодец! — первый баронет вполне искренне похвалил ее, улыбнулся и, чуть повысив голос, выпалил. — Граф Цеппелин! Флагман воздушного флота! Настоящий исполин! Вот бы заполучить его себе в коллекцию! Но, увы, это невозможно. Я не умею хранить неосязаемое. К сведению, у меня есть на складе парочка дирижаблей. Один, кажется, когда-то бомбил Париж, и есть пара дирижаблей заграждения. Боюсь, на два последних мне никогда не найти покупателя: штучный и очень специфичный товар. Хотя, если желаешь, могу уступить за пятьсот... нет, триста гульденов!

— Мне нужен самолет, — чуть понутив взгляд, напомнила Полина. — Двухместный.

— Ну, предположим, найдешь ты себе двухместный, — решил поддержать разговор Чарльз, снова взявшись за чай. — Но где отыщешь пилота? Или есть кто-то на примете? Ес-

ли этот человек из таверны, поспешу тебя разочаровать: тебе лгут! Проще найти иголку в стоге сена или непорочную деву в реестре Харриса, чем отыскать там пилота. Моряков сколько угодно, наемники, искатели приключений на любой вкус... но только не пилоты. Откуда им взяться? Ты ведь в курсе и знаешь, куда подевались все летчики?

— Знаю, — досадливо согласилась Поля.

Она и вправду знала — ей об этом рассказал Джошуа. Всех, кто владел навыками воздухоплавания, забрал Верховный совет. Говорили, поступили подобным образом, чтобы никто не смог покинуть города — иначе, как по воздуху, выбраться из него было невозможно: за городскими стенами начиналась пустота. Люди утверждали (из тех, кто имел возможность ее лицезреть воочию), она представлялась живой субстанцией, которая поглощала все попавшее в нее и уже больше никогда не возвращала обратно.

Полина сначала не верила в эти слухи, и хотя Джошуа ее отговаривал, как-то решила сама сходить за городские стены и проверить, что там да как. Предприятие это было опасное и трудноосуществимое, потому как подходы, во-первых, охранялись, а во-вторых, у самого края обстановка была нехорошей.

Так оно и вышло: еще на подступах Полину обуял такой трепет, какого она прежде никогда не испытывала.

Поэтому, не добравшись, трусишка развернулась. А потом было очень стыдно перед Джоуша. Хорошо еще тот по-

нял все без слов, и к этой теме они больше не возвращались. И, признаться честно, Поля и сама не желала вспоминать поистине ужасающее чувство какой-то ледяной обреченности и уныния, обволакивающее прочными путами тело и разум.

Вот и теперь, сидя в волшебной комнате, заставленной самыми красивыми вещами на свете, у нее по спине пробежали мурашки от одного воспоминания о стене и таящимся за ее границами ужасе.

— Боюсь, без знающих людей пилота не сыскать, родная, — сверкнул глазами баронет, вероятно, надеясь, что и на этом сможет подзаработать. — Какое счастье, что ты попала к нужному человеку! Я смогу все устроить. Самым замечательнейшим образом! Выйдет недешево. Но осмелюсь предположить, что в три, три с половиной тысячи гульденов мы сможем решить вопрос. Лучшей цены тебе не найти!

Полина чуть чаем не поперхнулась. Старичок, похоже, путал ее с какой-то другой девушкой, у которой за душой таялось целое состояние, а не как у Полины, жалкие семьсот одиннадцать монет. Да и те были взяты взаймы у Джошуа, который копил их много лет.

— Понимаю-понимаю, — баронет сотворил успокаивающий жест, — звучит дорого. Прости старика, я ведь назвал сумму, которую обычно всегда озвучиваю... но в нашем случае ради твоей прекрасной персоны, доброго сердца и такого милого личика готов пойти на уступки. Если берешь самолет, смогу найти для тебя пилота за каких-то пятьсот гуль-

денов! Наивыгоднейший вариант!

У Полины закралось стойкое ощущение того, что так оно и было задумано седовласым пронырой — тот специально назвал неподъемную цену, чтобы потом с барского плеча сбить ее и, показав свою доброту, тем самым расположить к себе покупателя.

Полина отпила чаю. Что ж, пятьсот гульденов было куда лучше трех тысяч, но для нее все равно являлось неподъемной суммой. Однако говорить об этом старичку она не стала — с таким пройдохой надо было держать язык за зубами. Тем более, может, он сильнее распалится и скинет еще монет.

Но Чарльз Ноулз назвал свою последнюю цену и играть на понижение не стал, переведя разговор на отвлеченную тему.

Полине пришлось выслушивать его жалобы на всяких поборников, которые постоянно являлись к нему от лица мэрии. Понять, кто из них кто, представлялось решительно невозможным, ибо у каждого имелся при себе документ, иногда даже с печатями, а идти наперекор крючкотворцам было себе дороже.

Под конец тирады Поля начал подозревать, что баронет и сам сомневался в том, занималась ли вообще мэрия подобными вопросами. Как уже было известно, о ней и ее деятельности навверняка знал лишь тот, кто побывал внутри, но, увы, из забредших туда никто назад не вернулся.

В целом слушать старичка было полезно для общего раз-

вития: все же она пока не встречала собеседников его статуса, однако само действие скоро до того наскучило, что Полина засобиравалась. Сославшись на неотложные дела, она предприняла робкую попытку уйти. Но первый баронет неожиданно заартачился.

— Скажи, милое дитя, — он вроде бы уже поднялся, намерившись ее проводить, — а где ты ночуешь? Извини за мою назойливость! Что поделать, сердце старика не простит, если я не справлюсь о твоей судьбе.

— Я остановилась в номерах над таверной, — как можно более отстраненно ответила она, уже предвидя реакцию баронета.

И старичок не обманул ожиданий — морщинистое лицо приобрело на редкость кислое выражение. Кое-как совладав со своими эмоциями, он постарался сгладить это натянутой улыбкой.

— Как же ты, бедная, там живешь?! — дрогнувшим голосом отозвался баронет и приложил руку к сердцу. — Уму непостижимо! Таверна сборище сумасбродов, а номера над нею... Это самый натуральный вертеп наихудшего толка! Мне горестно думать о том, какие ужасные вещи ты вынуждена видеть!

— Я там лишь ночую, — попыталась успокоить его Полина.

— Будь моя воля, я бы определил тебя в более достойное жилище, — Чарльз Ноулз взял ее под руку и повел прочь из

комнаты. — Но мне не хочется быть назойливым! Старики бывают такими докучливыми! Да и места у меня немного, сама видишь, живу в такой тесноте...

Словно бы в доказательство своих слов, он обвел рукою экспонаты. В этот момент они как раз шли мимо тумб, комодов и прочей мебели, поверхность которых была густо заставлена небольшими безделушками.

Среди всего прочего повстречался небольшой круглый столик (вроде тех, что стоят в кафе на летних верандах), с лежащей на нем одной-единственной вещицей. Это почему-то бросилось Полине в глаза.

Чарльз Ноулз заметил интерес своей спутницы и подвел ее к столику. Вблизи Полина изучила безделушку получше: это была вырезанная из кости голова удивительно красивого юноши в лавровом венке. Поделка казалась очень старой и лежала на подушечке красного бархата.

— Уж не думал, что кто-нибудь заинтересуется... — сменив тон, заговорил баронет. — Удивительная вещь!

— Какая интересная...

— У тебя чутье! Это древняя находка с весьма интересной историей... Ах...

Он вдруг весь встрепенулся и попятился.

— Что такое? Что-то случилось? — Полина взволновалась: уж больно взбудораженный вид принял ее собеседник.

— О Fortuna! Velut luna... — Чарльз Ноулз с совершенно не присущей ему игривостью хлопнул в ладоши. — Как я

сразу не догадался! Знак судьбы! Дитя мое, я придумал, как оградить тебя от опасностей! Ты ведь живешь над таверной! А кто там обитает? Правильно, по большей части морской народ.

— О чем вы?

— Как все просто! Слушай меня внимательно, дитя: я дарю тебе это! И это не простой подарок... — баронет слегка стушевался, подбирая слова. — В том случае, если кто-то из морского народа попытается как-то докучать тебе... просто покажи эту голову. Обещаю, тебя больше не побеспокоят!

— Это почему же?

— Поверь на слово старому пройдохе, — принялся он объяснять с какой-то витиеватостью. — И не бойся! Поскольку ты не связана с морем, тебе нечего бояться! А вот для просоленного морского волка сия голова хуже, чем казнь египетская!

— Она что, проклята? — не поняла Поля.

— Как сказать... — он повернулся к столу и сощурил глаза, вглядываясь в резное изваяние. — Здесь, в Лавлейсе, она не представляет угрозы. Эта штучка страшна для тех, кто связан с морем. Досужие домыслы, не обращай внимания! У нас и моря-то никакого нет. Лишь океан пустоты... Наверное, поэтому пираты в своей таверне занимаются не пойми чем, ведь для моряка лишиться водной глади смерти подобно! Душа просится в бескрайний простор: покорять стихию, обуздывая волны! А тут, на тебе, заделываешься сухопутной

крысой. Вот они и просаживают свои жизни. Устраивают себе бурю на дне стакана. Глупцы!

Полина вздохнула — она прекрасно понимала, о чем он ей втолковывал, потому как каждый вечер становилась свидетельницей подобных «бурь».

— Используй ее в крайней случае и старайся попусту на глаза людям не показывать, — предупредил баронет строгим голосом. — Ну как, примешь мой подарок? Это абсолютно бесплатно! Соглашайся, дитя, сжался над сердцем старика, так я меньше буду волноваться за тебя!

Полина еще раз поглядела на подушечку красного бархата и на вещь, лежавшую на ней, и прислушалась к своим внутренним чувствам: от безделушки веяло чем-то грустным. Какая-то меланхолия, словно бы протягивающая руку из глубины веков или, быть может, даже тысячелетий. Впрочем, ничего опасного Поля не ощутила: фигурка как фигурка. Красивая, интересная и, без сомнения, дорогая.

Неужели первый баронет серьезно решил просто так подарить подобную ценность? Это было на него непохоже: Чарльз Ноулз слыл человеком, который везде искал для себя выгоду и, собственно, всегда ее находил, отчего и занял высокое положение в местном обществе.

— Хорошо, — наконец согласилась Полина.

— Прекрасно! — старичок просиял. — Отныне она твоя! Подойди же и возьми то, что твое по праву! Надеюсь, это поможет в трудную минуту, и когда-нибудь ты вспомнишь о

Чарльзе Ноулзе добрым словом!

Полина подошла к столику и дотронулась до резной головы. Ничего страшного не случилось. На ощупь поверхность была теплой, приятной.

Взяв фигурку в руки (и опять же без каких-либо последствий) она повертела ее и так, и эдак. Юноша был прекрасен, не иначе какой-нибудь греческий герой или божество. Удивительно правильные черты лица.

Никак не удавалось понять, припоминая обитателей таверны, этих старых морских волков, каким образом такая вещица могла напугать их. Хотя нельзя было отрицать того факта, что моряки слыли людьми суеверными. Что же, если вдруг ей будет грозить опасность, пускай эти суеверия пригодятся.

— Замечательно! — процедил баронет с довольным видом. — Когда ждать тебя обратно? Конечно же, после того, как ты обдумаешь предложение и если примешь положительное решение.

— Спасибо за подарок, — Полина убрала фигурку в карман. — А насчет когда, то пока не знаю. Мне надо подбить свои финансы.

— Хорошо-хорошо, милая, — удивительно сговорчиво повел себя старый пройдоха. — Как тебе будет угодно... Не забывай только, что я предоставляю скидку!

Далее он на удивление легко сопровождал Полину до выхода и любезно распрощался.

Глава вторая. Пьяный дракон

Полина осталась стоять одна-одинешенька перед резиденцией первого баронета. Это была высокая и мощная постройка, скорее всего, родом из Месопотамии. Незамысловатая архитектура говорила о том, что здание это было невероятно древним, и даже египетские пирамиды, что возвышались неподалеку, казались куда моложе. А вообще, в этой части города располагалось много всего интересного.

Помимо пирамид, нашлось место для циклопических построек какой-то неизвестной культуры (они были сложены из гигантских камней, с идеальной точностью подогнанных друг к другу), многоступенчатого индийского храма, чья поверхность была усеяна тысячами и тысячами барельефов, а также огромной площади, по центру которой возвышался огромный готический собор с острыми хищными шпилями, а за ним, над всеми остальными, высилась башня мэрии.

Полине думалось, что своими размерами башня походила на Вавилонскую, но так ли это, оставалось загадкой, потому как Джошуа на этот счет сомневался. Собственно, про барельефы и подогнанные камни Поля знала именно с его слов — с разделявшего ее и постройки расстояния можно было разглядеть только общие черты и силуэты.

Да и будь она ближе, все равно вечный полумрак не дал

бы подметить детали. Дракон, вившийся в небе, хоть и сиял, озаряя мир под ним светом, этого все равно не хватало. Приходилось что-то придумывать.

Например, в этом районе улицы, широкие и просторные, освещались масляными фонарями, и было вполне терпимо. Но чем дальше к окраинам, тем улочки становились беднее, а их освещение хуже: люди довольствовались кострами да факелами. Все вечно было в дыму и гари — к такому требовалось привыкнуть.

Полина набрала полную грудь воздуха — дышалось не в пример легче, и не было всего того сонма запахов, которые обступали путника в бедных районах.

Она еще раз посмотрела на пирамиды: вершины поблескивали, отражая свет от Великого дракона — их венчали позолоченные пирамидоны. Наверное, при дневном свете золотые грани смотрелись очень красиво. Но, увы, солнце в их краях не всходило. И ждать его появления не приходилось.

Полина скучала по солнцу, хотя Великий Дракон в небе тоже был неплох. Она задрала голову и поглядела на него — длиннющее тело, извиваясь, порождало все новые и новые кольца. Рогатая морда с пышной гривой плыла вперед, вспарывая пространство. Дракон был величав и грозен.

Полине вдруг вспомнилось, как в прошлой жизни они с матерью наблюдали салют в родном городе. Это был какой-то праздник: все торчали около старого моста, увенчанного ажурными фермами, а с баржи, которую специально за-

гнали на середину реки, били залпы.

Выстрелы улетали высоко в небо, а там расцветали гигантскими бутонами. Люди, стоявшие под ними, окрашивались в красное, желтое, зеленое и синее...

Вспомнив про мать, она вздохнула — увидятся ли они?

Постояв еще немного и помечтав о несбыточном, Полина двинулась обратно. Джошуа предупреждал, что в этой части города чужакам не следовало подолгу задерживаться без дела — везде сновали соглядатаи и прислужники, которые могли, заподозрив неладное, создать проблем.

Убрав руку в карман и сжав фигурку из слоновой кости, Полина отправилась восвояси. Ей требовалось все хорошенько обдумать и сообразить, откуда выискать требуемую сумму.

Или же — обратиться к Сманику?

Размышления навели ее на мысль, что в любом случае без совета верного Джошуа никак не обойтись, и она взяла курс напрямик на его жилище, где сама и обреталась.

Пиратская таверна и резиденция первого баронета находились довольно далеко друг от друга. И если в районе Чарльза Ноулза водились сплошь сливки общества, то вокруг пиратского вертепа жили те, у кого, как говорится, жизнь дала трещину. Попросту выражаясь — всякий сброд.

Занесенные сюда судьбой, они предпочли осесть в этом непрезентабельном месте, где могли творить все, что душе угодно (по большей части, естественно, разного рода темные

делишки). Удивительно было и то, как компактно все разместились на скромном пятачке территории, хотя к подобному их никто не принуждал. Вероятно, такие люди сами тянулись друг к другу.

Они рассосались по тихим темным улочкам, подобно тому, как змеиный яд растекается по сосудам организма. Не зря ведь и район прозвали схожим образом — Долина змей. Правда, единственные настоящие змеи прижились только в трейлере ведьмы Мэри Браун. Та слыла любительницей всякой живности и содержала у себя целый зверинец.

В остальном же по району бегали крысы да кошки, охотящиеся на них. Джошуа говорил, раньше обитали еще и павианы, пришедшие из каких-то далеких земель и устроившие нашествие, сея хаос. Но, в конце концов, с ними удалось благополучно разделаться.

Пока шла, Полина подмечала, как меняется обстановка: улица, прямой и широкой стрелой устремившаяся вперед, принялась делать плавные изгибы, постепенно сужаясь, а затем запетляла, загуляла. Дворцы сменились каменными домами и начали теснить ее с двух сторон.

И если сначала это были добротные строения в три этажа и выше, то постепенно они мельчали, пока ее не окружили жалкие лачуги из закопченной древесины.

Пару раз извилистая дорога выводила на площади. Первая попавшаяся была даже с церковью и статуей, но следом и площади скукожились.

Теперь ее окружали самые настоящие трущобы. Именно они разделяли богатый район Чарльза Ноулза (как вспомнилось Полине, называвшийся «Высокий готик») и Долину Змей Джошуа. К слову, место это тоже имело свое наименование: Блюгейт-филдс. Большинство домов пустовало, и из горожан здесь жили считанные единицы. Почему так вышло, никто Полине доступно не объяснил.

Миновав трущобы, Поля попала на знакомую территорию. Понять это можно было легко — на самой границе торчала огромная рея, на которой висела продолговатая клеть из широких полос железа с заключенным в нее человеческим скелетом.

По утверждениям Джоуша, скелет принадлежал какому-то известному пирату. Однако каким образом он мог возникнуть в городе, где в привычном смысле никто не умирал, так и осталось загадкой.

Проходя мимо, она с сочувствием посмотрела на кости: скелет был облачен в остатки пиратского одеяния и сохранил даже часть шевелюры, надо заметить, весьма пышной. Первый баронет обзавидовался бы такой волосатости.

Пират к появлению Полины отнесся благосклонно (тем более они уже были знакомы, ведь к Чарльзу Ноулзу она шла этой же дорогой) — зыркал пустыми глазницами да задорно скалился оставшимися зубами.

Обойдя незадачливую инсталляцию, она ступила в Долину Змей и с облегчением выдохнула — можно было рассла-

биться. Не сказать бы, что ее прогулка оказалась такой уж напряженной, но слухи, гулявшие про Высокий готик, заставляли опасаться.

А тут все было хорошо знакомо. И даже попадавшиеся на встречу люди не так пялились на нее, как это было в других районах.

К слову говоря (Полине думалось, внимание со стороны незнакомцев было вызвано как раз этим фактором), одета она была довольно интересно. Во-первых, обращали на себя внимание великолепные сапожки из сыромятины, расшитые накладками в виде звезд. Они были удобные, мягкие и не знали сносу. Во-вторых, Джошуа где-то заполучил пончо из оленьей кожи ручной работы с фиолетовой подкладкой. Со временем она взяла за привычку натягивать его поверх обычной одежды.

Дорога выводила все ближе и ближе к таверне, а по пути попадались на глаза разные достопримечательности.

Например, тот же трейлер Мэри Браун. Хозяйка — миниатюрная женщина на склоне лет, облаченная в застегнутую наглухо строгую блузку и шерстяную юбку. Ее волосы, без оглядки на возраст все еще сохранявшие черный оттенок, были по обыкновению собраны в пучок. Лицо было исхудавшее, с глубоко посаженными глазами, впалыми щеками и маленькими ушами, похожими на баранки.

Мэри обладала мелодичным голосом и имела привычку говорить нараспев. Это была тихая, миролюбивая старушка,

которая витала в облаках и не придавала значение окружающей действительности. Но люди, знавшие ее, остерегались этой женщины. Поговаривали, та могла навлечь на человека беду, а то и вовсе вытравить разум, сделав одним из тех, кто валяется по канавам.

Шептались, что Мэри видела будущее, знала прошлое и имела возможность заглядывать туда, куда, казалось бы, ни один человеческий взор не мог дотянуться.

Наверное, поэтому ее трейлер, набитый экзотической живностью, старались обходить стороной. Полина как-то побывала внутри, но вспоминать о подобном ей не хотелось.

Чтобы отогнать прочь воспоминания, Поля повернула голову в сторону статуи — та как раз попалась ей на пути. Кому именно она принадлежала, оставалось неизвестно. Одни считали, что это какой-то римский император, чье имя затерялось в глубине тысячелетий. Другие придерживались мнения, что то был поэт-мистик из викторианской эпохи, пожелавший оригинального памятника. Впрочем, так ли это было важно?

«Изюминкой» статуи являлось то, что она постоянно меняла позу. То так, то этак. Фигура на постаменте, изображавшая мужчину в расцвете лет и наряженного в тогу, представлялась самой что ни на есть настоящей, сделанной из мрамора. И, несмотря на это, даже Полина прекрасно помнила, как ранее он держал правую руку вытянутой, а нынче его правая рука оказалась опущена, а вот левой, прежде спрятанной в

складках тоги, он теперь грозил кулаком.

Говорили, тут была замешана Мэри Браун со своим колдовством, однако та, когда один смельчак все же нашел в себе храбрости спросить у нее, клятвенно заверила, что к подобному не имеет никакого отношения.

Хотя помимо Мэри Браун в окружающем мире присутствовало столько необычных и таинственных явлений, чья природа была далека от привычной, что вариантов, почему двигалась статуя, наличествовало великое множество.

Кроме вышеперечисленных достопримечательностей, к оным можно было отнести и проклятый дом в одном из переулков.

Со стороны он казался ничем не примечательным. Дом как дом. Окна чистые, целые, дверь добротная. Всегда открыто — заходи, кто хочешь. Но стоило проникнуть за порог, как человека мгновенно охватывало столь сильное и решительное наваждение, что несчастный терял контроль над собой. Его преследовали бесконечные и ужасающие образы, вытянутые проклятым домом из глубин подсознания гостя.

Редко кто оставался в своем уме после посещения. Однако ходили упорные слухи, что порой попавшие под влияние дома видели не такие уж и ужасные вещи. А кого-то и вовсе наступало просветление.

Якобы один такой, по фамилии Неришев, пробравшись в дом, когда убегал и прятался от карточных долгов, испытал нечто схожее, и ему вроде как потом удалось убежать из го-

рода. В обычный мир.

Только вот откуда все эти пускавшие слухи люди могли знать подробности? Нормальный мир мог вообще больше и не существовать, по крайней мере, это хоть как-то объясняло нынешнее положение.

Полина опять вздохнула о безнадежно потерянном и затопала себе дальше.

Пока шла и вспоминала, сама не заметила, как добралась до таверны. Та уютилась на краю небольшой городской площади. По периметру горели три фонаря, в которых в качестве топлива использовался китовый жир. Освещал он тускло, но и сама площадь была крохотной, поэтому относительно темных углов оставалось не так уж и много. Как обычно, толпился народ. В этой толкучке и рождались все сплетни.

Публика представлялась разномастной: теряющие остатки женственности гуляющие дамы, дряхлеющие кавалеры, румяные молодки, дельные молодцы, скрюченные старухи с корзинами яблок на продажу и юркие мальчишки-карманники, промышлявшие здесь своим ремеслом. Те умели так ловко орудовать пальцами, что пропажу человек обыкновенно обнаруживал только дома или когда приходила пора платить за что-нибудь.

Сама Полина воришек не опасалась — они почему-то не трогали ее, видимо, то ли из уважения к Джошуа, общавшегося с ними на короткой ноге, то ли не желали ее обижать из-за возраста, поскольку они считались почти ровесниками.

Вот и в этот раз, заведя ее, самый долговязый из них по имени Зойсай, улыбнулся и вытер рукавом перепачканную пылью физиономию. Полина улыбнулась ему в ответ. Зойсай обрадовался и скорчил рожицу, но уже через секунду развернулся и пристроился следом за очередной жертвой.

Миновав площадь, Поля очутилась перед таверной. Это было самое большое здание вокруг — в три этажа. Над кованой железом дверью висела надпись: «Пьяный дракон». Очевидно, название было дано в честь танцующего по небу Кейлгара.

Здесь же, на втором и третьем этажах, сдавались помещения для проживания. В основном это были тесные и убогие комнаты, однако у Джошуа имелась целая квартирка, состоящая из трех комнатенок, одну из которых он и отдал в пользование Полине. Вот такой вот добрый человек.

Оставалось надеяться, он был у себя — Полина очень желала застать его, чтобы рассказать о своем визите к баронету и спросить совета, что же ей делать.

Подойдя к двери, она взялась двумя руками за медную ручку и изо всех сил потянула на себя — проржавелые петли и общий вес конструкции требовал недюжинных усилий.

В носшибанул целый букет запахов, от которых у неподготовленного человека наверняка бы случился приступ кашля, а то и тошноты. Но Полина привыкла и лишь фыркнула.

Внутри, как всегда, стоял гам — помимо множества глоток, постоянно споривших или распевавших какую-нибудь

простенькую песню, играла музыка. Причем одновременно звучали несколько мелодий: это разные группы музыкантов старались переиграть друг дружку назло. Обычно для ушей все это сливалось в жуткую какофонию, но музыканты стояли на своем и ни в чем не собирались уступать противоположной стороне.

Такой шум мог вывести из равновесия любого, и, наверное, именно поэтому в таверне постоянно случались стычки. Подобному способствовал и нрав моряков — основой контингент составляли именно они.

Однако одними мореплавателями местный сброд не ограничивался. Имелись тут и гулящие дамы (а куда моряку на суше без них), работяги, всякие выпивохи и даже писатели с грешными поэтами.

Помещение было затянуто пеленой — это висел дым от десятка зажженных трубок. Особо усердно коптили в центре зала, там, где почти вплотную все было заставлено добротными столами из толстых струганных досок. Вмещали они с дюжину персон и чем-то напоминали старинные галеры.

Ближе к стенам наличествовали столики поменьше на двух-трех человек.

А в самом дальнем конце располагалась стойка, украшенная бутафорскими пальмами и соломенной крышей. Сбоку от нее виднелась винтовая лестница, ведущая в номера.

За стойкой безвылазно торчал владелец таверны, которого все называли Пого. Это был плотно сбитый мужчина с уса-

ми. На пирата он не походил вовсе и определенно им никогда не являлся. Хотя никто и не знал, чем тот занимался ранее, Полине он представлялся каким-нибудь управляющим или директором магазина, потому как иногда слишком уж деловитую решительность приобретал его взгляд. Сам Попо на вопросы о прошлом обыкновенно шутил, что работал клоуном.

Приметив вошедшую Полину, Попо махнул ей рукой. Это означало, что Джошуа у себя. Хорошая новость.

Полина не преминула пробраться к стойке и лично поприветствовать владельца.

— Сегодня гавайская вечеринка, — оповестил ее он, протирая стакан. — Могу угостить бесплатно. Пока Джошуа не видит.

И подмигнул.

— Спасибо, — слегка стушевалась Поля. — Не получится. Дела.

— Если что, обращайся, — отвесил тот и тут же, потеряв всякий интерес, уставился в зал: там, судя по возгласам, назревала очередная свалка.

Полина, бросив мимолетный взгляд в направлении расплавшегося конфликта (группа пиратов что-то не поделила в карты и уже тянулась за саблями), быстренько взбежала по лестнице на второй этаж.

Стоило ей шагнуть вовнутрь, как словно бы невидимая стена отрезала ее от творящегося в зале кутежа. Сделалось

непривычно тихо. И стало темно, очень темно.

Полина с трудом могла разглядеть очертания: по обеим сторонам, через равные промежутки находились двери — комнаты постояльцев.

Доподлинно неизвестно, кто тут жил, но второй этаж ее всегда пугал, потому как сквозь стены порой доносились пугающие звуки. Не зря первый баронет дивился, как она может обитать в столь злом месте.

Вот и сейчас, проходя по мрачному коридору, она слышала нехорошее. За одной из дверей кто-то плакал, и плач этот был детский, но такой холодный и отстраненный, что никак не мог принадлежать обычному ребенку. Когда он резко сменился нехорошим хихиканьем, Полина сочла за лучшее как можно быстрее пройти дальше.

Около следующей двери раздавался какой-то скулеж, походивший на собачий, но когда она просеменила мимо, оттуда каркающим человеческим голосом рывкнули: «Иди куда шла»!

Слышала Полина и другое: кто-то захлебывался, стонал, мерзко хихикал и будто рвал на лоскуты бумагу. А еще некто страстно пыхтел, после чего через дверь прозвучал истеричный голос: «Чувствую запах тво...». Договорить неизвестный не успел, потому как, скорее всего, оступился и грохнулся — по крайней мере, звук донесся соответствующий.

Напуганная, Поля ускорила шаг и выбралась к лестнице, ведущей на третий этаж. Там жил Джошуа, и было много

спокойнее. И светлее — коридор подсвечивался небольшими лампадками.

Постояльцы здесь держались гораздо любезнее. Вполне возможно, как раз под влиянием Джошуа. Тот вообще оказывал на людей благотворное влияние — самый распоследний грубиян начинал вести себя с ним чуть ли не чинно. Даже пираты уважительно относились, и только изредка какой-нибудь налакавшийся морской волк мог позволить себе лишнего.

Джошуа умел работать с публикой, знал, как расставлять акценты, что говорить, куда смотреть и каким образом себя подать. И здесь не следовало удивляться, ведь в своей прошлой жизни он был актером. Причем, по его утверждениям, довольно именитым.

Как-то в приступе меланхолии тот называл Полине фильмы, в которых играл, но, увы, она о таких не слышала. Впрочем, по всему выходило, что снимался он в 70-х годах двадцатого века, а это происходило задолго до рождения Поли. Да и жил Джошуа в те золотые для него денечки в Америке, на территории солнечного штата Калифорния.

Порой, забывшись бутылочкой янтарного напитка, бывший актер сидел в кресле-качалке и рассказывал о славных временах.

Каждый раз она слушала чуть ли не с открытым ртом — настолько искусным рассказчиком являлся Джошуа. Жизнь у него была интересная: все эти съемки, путешествия, лю-

бовные романы, интрижки, драмы и прочие хитросплетения судьбы.

Полина за свое прошлое существование не видела и тысячной доли подобного — куда ей, родившейся в провинциальном городке.

Все истории Джошуа заканчивал, припоминая, как попал сюда.

Глядя в одну точку, он начинал обрисовывать, как после тяжелого съемочного дня возвращался в роскошный номер мотеля, где ждала горячая ванная, кабельное телевидение, холодильник с прохладными напитками и заказанная загодя пицца... Шоссе по ночному времени пустовало... Он был королем дороги... Машина въехала в неглубокую долину и трасса вытянулась на много миль вперед ровной расчерченной линией... Грех было не попытаться выжать из своего мустанга побольше... Внезапно перед ним промелькнула какая-то тень, он инстинктивно вывернул руль... Дальше он очнулся уже здесь.

Полина учтиво постучала в дверь и вошла.

Джошуа сидел в любимом кресле и время от времени покачиваясь, прикладывался к пузатой бутылке мутного стекла (никак опять пираты уговорили его принять от них угощение).

— Я выменял у старика Чепмена английского эрл грея, — сразу похвастался он. — Старый дурень все перепутал и чуть не отправил его в свой кисет. Вышло бы смешно.

— Он настолько плох? — она присела на кушетку рядом с Джошуа.

— Желтобородый морской волк не отличит перец от пороха, — Джошуа отпил и, вздохнув, оглядел Полю.

Глаза у него были зеленого цвета и, несмотря на лицо, расчерченное глубокой сеткой морщин, еще глядели на мир с мальчишеским задором.

— Как все прошло? — поинтересовался он и засобирався вылезать из кресла.

— Возникла проблема, — Полина жестами показала ему, что вставать не обязательно. — Сиди, Джош, я вижу, ты устал. Отдыхай, а я сейчас схожу, приготовлю Эрл Грея и вернусь к тебе. Ты будешь?

В ответ он скорчил смешную гримасу и потряс бутылкой — у него уже было свое. Поля покачала головой и пошла заваривать чай.

У Джошуа имелась куца кухня, где стояла маленькая печка, к моменту появления Полины уже растопленная, и оставалось только поставить чайник да дать ему нагреться.

Спустя немного времени она вернулась с подносом. На всякий случай прихватила чашку и для Джошуа — на случай, если тому тоже захочется. В этот раз посчастливилось раздобыть действительно стоящий напиток, а не ту бурду, выменянную у кого-то в прошлый раз — кажется, то был испорченный какао, в который черт знает чего намешали.

Разлив напиток по чашкам, она приступила описывать

встречу с Чарльзом Ноулзом. Джошуа слушал внимательно, иногда усмехался, время от времени прикладываясь к бутылке.

— Ожидать от него другого было глупо, — наконец постановил он. — Вот только кто бы мог подумать, что баронет так взвинтит цены. Мне следовало самому сходить и договориться. Но ты такая упрямая, не переспоришь. Все обязательно нужно самой сделать.

— Я не специально...

— Теперь ничего не поделаешь, — присовокупил он. — Раз баронет обозначил цену, от нее не оступится. Надо думать, где разжиться деньгами.

Полина опустила голову и вздохнула — Джошуа был прав: не следовало идти самой.

— Ладно, не вешай нос, — приободрил он и щелкнул пальцами. — А что ты там говорила про подарок? Что за голова?

Полина достала из кармана костяной амулет и протянула ему. Однако Джошуа не спешил брать его в руки.

— Интересно... — он смотрел на вещицу с явным сомнением. — Хм, эта штука определенно очень старая. И, скорее всего, представляет какую-то ценность, раз оказалась у Ноулза. Узнать бы, по какому поводу он решил от нее избавиться?

— Почему избавиться?

— Потому что... — не стал уточнять Джошуа.

— А мне кажется, мистер Ноулз отдал ее, потому что действительно за меня волнуется, — начала было Полина, но словив на себе насмешливый взгляд, насупилась. — Это от пиратов. Мне сказали, они должны ее бояться, как огня. Может, проверить и показать кому-нибудь из них?

— Даже не вздумай. Мало ли. Морской народ суеверный, еще выгонят тебя взащей за такие штуки, — он тяжело поднялся на ноги.

Джошуа держался не слишком уверенно и, оглядев себя, решил отставить бутылку в сторону.

— Пожалуй, пиратского угощения на сегодня хватит, — он присел рядом с Полиной на кушетку. — Отопью-ка твоего чаю, пахнет приятно. Тем более сегодня у нас важные дела.

— Это какие? — подивилась Полина, пододвигая к нему чашку.

— Попробуем раздобыть гильденов для твоего самолета, — Джошуа сверкнул глазами. — Возникла идея.

Глава третья. Зеленый ад

— Зачем тогда рассказывал, если не хочешь брать с собой?! — негодовала Полина, даже умудрившись разлить немного чая на серебряный поднос. — Так не честно!

— Как иначе? — Джошуа снисходительно посмотрел на нее, умиляясь ее все еще детской непосредственности. — Ты уже почти взрослая и должна понимать, какие опасности там поджидают. А риску я тебя подвергать не могу, совесть не позволяет.

— Ага, зато она прекрасно позволяет издеваться, — насупила она свой носик. — Ты должен взять меня с собой! Сам же говорил это мое дело, и я должна его решить!

— У всего есть свои границы. В данном случае риск слишком велик.

— Откуда тебе знать? — не унималась Поля. — Покажи лучше карту сокровищ. Наверняка очередная глупость от какого-нибудь дурака-пирата. Ты же сам знаешь, как они любят клады и болтать о них. И дня не проходило, чтобы внизу не устроили драку из-за чьей-то дурацкой карты.

— В нашем случае карта самая что ни на есть настоящая, — Джошуа все же повелся на уговоры и достал из потайного кармана небольшой, сложенный вчетверо листок.

Он поводил им у нее перед носом, а потом развернул, уложив на кушетку между ними. Бумага была старой, а сам ри-

сунок напоминал каракули, имея множество помарок, клякс и пятен.

— И что это? — Поля пренебрежительно ткнула пальцем в бумажку. — Тут все шиворот-навыворот.

— Это же пиратская карта. У них так принято. Вот, гляди, видишь, это мэрия.

Он провел ногтем, и Полина разглядела коряво нарисованную башенку, больше похожую на покосившийся придорожный столбик.

— А дальше у нас... — Джошуа запнулся, но быстро сообразил. — Высокой готик, а тут, гляди, наша с тобой Долина змей. Даже таверна помечена...

— Это Веселый Роджер, — догадалась Поля, рассмотрев малюсенький череп с перекрещенными костями.

— Он самый, — подтвердил он и почертил ногтем дальше. — Вот самое главное: Эйлин-Мор. Видишь, к нему ведет пунктирная линия.

- Эйлин-Мор? — переспросила Полина, ранее не слышавшая подобного названия.

— Свалка, — он улыбнулся, как бы извиняясь. — Все называют это место свалкой.

— Про нее я слышала.

— Славно, — Джошуа продолжил объяснять, указывая на всякие закорючки. — Вот стена, ограждающая Эйлин-Мор. К ней ведет дорога... Если никогда не бывал на свалке, нипочем не поймешь, куда надо идти. Но я там был и путь отыс-

кать смогу. А вон и пометка о сокровище. Около Бальзамирующего холма.

— Бальзамирующего? — уточнила Полина: название не предвещало ничего хорошего.

— Гиблое место. Вот поэтому я и не желаю брать тебя с собой, слишком опасно. Там пропасть легко. И не найдут потом тебя никогда. Можешь мне поверить, раньше я часто туда захаживал, когда искал, чем поживиться.

— Значит, раз ты такой опытный и все знаешь, мы сможем пробраться туда без шума и пыли.

— Э, нет, — Джошуа начал сворачивать карту. — Я там был давно, с тех пор многое могло измениться. Плюс ты молодая девушка, еще практически ребенок, это чересчур опасно. Да и я дряхлый и вряд ли смогу уберечь тебя от всех опасностей. Самому бы дойти и вернуться, а тут еще и ты, считай, лишний груз.

— Я лишний груз? — насупилась Полина.

— Ты же знаешь, я не хотел тебя обидеть.

— Если не хочешь меня обижать, то забери с собой. Тебе пригодится помощь. Я ведь ловкая, могу быстро бегать, уж тебя с легкостью обгоню.

— Я себя не прощу, если с тобой что-нибудь случится, — вздохнул он, на миг сделавшись необыкновенно усталым и вдумчивым. — Но ты права, стоит взять тебя.

— Спасибо, — она обняла его, ненароком потревожив поднос, отчего вновь пролился чай. — Когда пойдем?

— Чем быстрее, тем лучше, — Джошуа встал, на этот раз уже крепко держась на ногах. — Баронет не привык ждать. Когда я тебе сказал, что он не отступиться от цены, это означало, что он ее не понизит. А вот повысить может запросто.

— Мне еще пилота надо найти, — вспомнила Полина, поджав губу.

— Я маякнул кому надо, скоро должны ответить, — успокоил он ее и полез в шкаф.

Не прошло и минуты, как Джошуа достал оттуда два комплекта одежды — это были какие-то черные комбинезоны. На закономерный вопрос, к чему все это, он объяснил, что попасть на свалку непросто, поскольку та охраняется. И маскировка им явно не повредит.

К тому же эти комбинезоны являлись ничем иным, как костюмами синоби — секты японских наемных убийц и диверсантов, мастеров тайных дел.

— Знаешь Рю из пельменной в гнилом переулке? — поинтересовался Джошуа, выкладывая вещи.

— Это одноглазый японец с милой женой? Знаю.

— Вот они и есть те самые синоби.

— А с виду такая милая пара, прям одуванчики.

— Они на пенсии. Отошли от дел.

— Откуда же у них тогда с собой эти наряды? — слегка запуталась Полина, поскольку знала, что все, кто попадал сюда, представляли в той одежде, в которую были облачены на тот момент, и никакие другие вещи не перемещались.

— Рю рассказывал, что на старости лет его уговорили взять с женой контракт, выполнить который могли только пожилые люди. И выиграла у них профессиональная гордость. Так и угодили сюда.

Полина вспомнила Рю: дедуля всегда был улыбчив и абсолютно беззлобен. Он готовил великолепнейшие блюда, к нему даже пираты иногда наведывались, несмотря на враждебность.

— Привычная рабочая одежда им здесь оказалась ни к чему, и я выгодно все обменял, — признался Джошуа, начав примерять на себя черное облачение. — Проблема только в том, что наши с тобой синоби весьма миниатюрные. Если тебе как раз по размеру будет, то на меня налезет, как я думаю, с трудом. Но выбирать не приходится.

Полина быстренько переделалась у себя в комнате, а вот Джошуа возился долго, но в конце концов все-таки смог натянуть на себя вещи.

Дав немного времени пообвыкнуть к новому облачению (в комплекте шла еще и обувь на войлочной подошве, чтобы передвигаться беззвучно), они покинули жилище.

Чтобы не смущать достопочтенных пиратов (мало ли что им причудится в одурманенной напитками голове), решили воспользоваться запасным выходом: находилась в номере Джошуа такая лазейка. Для этого требовалось вылезти через тыльное окно, пройти вдоль карниза и спуститься по водосточной трубе.

Оказавшись на заднем дворе таверны, они аккуратно обогнули захламленный участок (Пого складировал всякий бесполезный мусор и вещи, которые после обмена оказались ему не нужны) и, перепрыгнув через невысокий заборчик, засеменили по дремучему переулку. Место было относительно тихое, дома попадались в основном пустые. На то, кстати, была своя причина: умалишенные.

Как уже упоминалось, в городе никто не мог умереть и не умирал. Ни своей смертью, ни насильственной. Например, пираты, в который раз из-за своих дурацких споров устраивавшие драку, могли сколько угодно рубить абордажными саблями, и ничего им за это не было. Получалось так, что клинки входили в тело, будто иголка в тряпичную куклу — стоило их вытащить и никаких следов не оставалось. Не было ни крови, ни боли.

Подобное обстоятельство накладывало свой отпечаток на жизненный уклад. Те же пираты, понимая, что могут рубить друг друга в капусту по любому поводу и без каких-либо последствий, принялись устраивать разборки с завидной частотой.

Однако невозможность умереть имела один существенный недостаток — порой попадались люди, для которых смерть являлась избавлением от нескончаемых мук. Например, те, кто потерял смысл жизни или лишился очень близкого человека. Эти несчастные, не имеющие возможности прекратить мучения, постепенно сходили с ума, погружаясь

в безумие.

Становились жертвами и те, кто не мог принять окружающую реальность, все-таки она невероятно сильно расходилась с привычной человеческой действительностью.

Были и попавшие под влияние злых чар — Полина не знала точно, как это обозвать, но в окружающем мире наличествовали силы, от воздействия которых люди сходили с ума.

И вот все эти бедняги со временем впадали в беспамятство, приобретая довольно схожий вид: они лежали плашмя, как придется, бездумно таращась в одну точку и нашептывая всякий бред.

Чтобы не мешались, постановлением мэрии таких безумцев (их еще называл по-простому «бревнами») было предписано относить и складывать в специальные пункты. Но возиться с «бревнами» людям было лень, и большинство просто оттаскивало сумасшедших куда подальше. Например, на задворки. Вот Полина с Джошуа угодили в подобное место.

Узкая улочка почти вся была заполнена телами, брошенными вповалку. Лежащие, однако, по данному поводу каких-либо протестов не выказывали. Хотя кто-то и издавал звуки, но в основном это были однообразные фразы, раз за разом повторяющиеся по кругу.

Полине стало не по себе, но своим видом она старалась это никак не выказывать — сама напросилась в вылазку.

Джошуа двигался первым, маневрируя между несчастными. Как хорошо, что Кейлгар подсвечивал с неба — дорогу

в целом было видно.

Миновав скорбный участок, они вышли к границе Долины змей. За ней начинался каменистый пустырь, а далее располагалась свалка, или, как говорил Джошуа, Эйлин-Мор. Территория была огорожена стеной. До этого Полина лицезрела ее монументальный силуэт только издали, и понимание того, что скоро она увидит все вблизи, завораживало.

Свалка являлась местом особенным. Именно оттуда взялись практически все сокровища Чарльза Ноулза. С нее тащили в город самые разнообразные вещи. Чего там только не было!

Шептались, что сам город тоже когда-то был частью свалки. Потом его очистили, прибрали, рассортировали несметные горы ценностей и мусора. А остатки, то, что сейчас называли свалкой, отделили высокой стеной.

Говорили, к постройке ограждения приложила руку мэрия. И на то имелись свои причины. Во-первых, чтобы не лазили почем зря и не разворовывали богатства. Которые, понятное дело, теперь искали и добывали люди мэрии. Во-вторых, таким образом оградили людей от опасностей. Коих, судя по всему, таилось в избытке. Об это красноречиво свидетельствовало безмерное количество искателей приключений, да и просто любопытных, которые, если верить слухам, сгинули там.

Когда пробирались по пустырю, спутник Полины напрягся — Джошуа шел, пригнувшись, то и дело озирался по сто-

ронам и замирал при каждом шорохе.

Стена близилась и становилась все выше и выше. Только сейчас Поля начала осознавать истинные размеры этой конструкции — та была намного выше девятиэтажного дома, и состояла из обработанных гигантских древесных стволов, вкопанных в землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.